

Людмила Оболенская-Флам об Ильфе и Петрове, вражеских голосах и контейнерах с книгами

– Людмила Сергеевна, возглавляемому вами комитету «Книги для России» исполняется пятнадцать лет. Какова история его создания?

– Вскоре после основания в Москве библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (теперь Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына) мне было предложено заняться сбором эмигрантских публикаций на Восточном побережье США для комплектования библиотеки. В Калифорнии это уже начала делать моя бывшая соученица по русской гимназии в Мюнхене Ольга Раевская-Хьюз, американский профессор русской словесности. К нам примкнуло еще несколько человек – энтузиастов этого начинания, и работа пошла. За 15 лет мы отправили в Россию девять морских контейнеров с книгами. При нашем содействии в Россию из Калифорнии прибыла библиотека покойного митрополита Сан-Францисского Иоанна (Шаховского). Сейчас мы приступили к комплектованию еще одного контейнера. Трудно подсчитать точное количество доставленных книг. Думаю, порядка ста тысяч, если учитывать и периодику. Помимо непосредственно изданий мы передали в Дом зарубежья большое количество воспоминаний, рукописей, фотографий, живописи и музейных предметов, так или иначе связанных с историей российской диаспоры.

– Расскажите, пожалуйста, об издательских проектах, жизнь которым дал ваш комитет.

– Как-то я привезла в Дом русского зарубежья неизданную рукопись Виктора Николаевича Челищева (1870–1952), переданную мне его внуком Виктором Викторовичем. Дед его, по образованию юрист, был в России заметным общественно-политическим деятелем, принадлежавшим к партии конституционных демократов. Свою общественную и публицистическую деятельность продолжал в эмиграции, в частности, как член правления Союза русских писателей и журналистов. В молодости он был страстным охотником, и этому посвящена его рукопись. Про нее проведали российские любители охотничьей литературы. В результате в издательстве «Эра» вышла книга, которая так и называется – «Охотники (хроника)». Вслед за этим в издательстве «Золотая аллея» появилось полное собрание его сочинений (Калуга, 2009). Остальные книги, увидевшие свет при содействии нашего комитета, вышли в издательстве «Русский путь»: «Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко» ныне покойного юриста Левицкого, перевод с английского воспоминаний Елены Якобсон (1913–2002) «Пересекая границы (от Китая до Америки)». Она была замечательной женщиной, отзывчивой, энергичной. Ее учебник русского языка неоднократно переиздавался в Америке. Она возглавила в университете имени Джорджа Вашингтона кафедру русского языка и литературы и многие годы состояла председателем вашингтонского отделения Литфонда, помогавшего русским писателям в изгнании. Моим другом и членом комитета был автор книги «Остров Тубабао» (2000) Никита Моравский (1923–2012). В ней описана эпопея дальневосточных русских беженцев, попавших на этот почти необитаемый филиппинский остров. Ему же принадлежит и сборник статей разных лет «Глазами русского американца» (2003). Сейчас в издательстве «Русский путь» лежит рукопись, посвященная его отцу – Валериану Моравскому, свидетелю и участнику событий на Дальнем Востоке в эпоху Гражданской войны. Наконец, в том же «Русском пути» вышла книга воспоминаний Сергея Туника под названием «Белогвардеец». Она была подготовлена к публикации его дочерью, тоже членом нашего комитета, Галиной Туник-Роснянской. Еще комитет содействовал изданию

в России книги Юрия Елагина (не путать с поэтом Иваном Елагиным!) «Укрощение искусств». Елагин был свидетелем того, как Сталин удушил в тридцатые годы советский театр, кино и музыку. Книга его, впервые вышедшая в издательстве имени Чехова в 1950-х годах в Нью-Йорке, имела за рубежом большой успех.

– Людмила Сергеевна, рисунок вашей жизни в общих чертах совпадает с путем поколения, описанного в вашей книге «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции». Что вам больше всего запомнилось из долгого пути?

– Я, как и многие мои друзья, с любовью вспоминаю послевоенный период, проведенный в Мюнхене, где мы учились в русской гимназии и принимали живое участие в русской скаутской организации (ОРЮР), а некоторые, как и я, движимые патриотическими побуждениями, вошли в Народно-Трудовой Союз (НТС), но пробыла его членом всего несколько лет. Интересным был и последовавший за этим четырехлетний марокканский период (1948–1952), куда наша семья прилетела в декабре. Вчера – снег в полуголодной разрушенной Германии, сегодня – жаркое солнце, пальмы, экзотика! Помимо учебы и работы я занималась там с русской молодежью, возглавила дружину ОРЮР, проводила с ней летние лагеря. Но меня тянуло назад, в Европу. Лето 1952 года я провела в Париже и Лондоне, а потом поехала навестить друзей в Германию. Там я случайно познакомилась с шефом русской редакции европейского отделения «Голоса Америки». Он пригласил меня зайти в студию на пробу голоса. Пробу одобрили. Так началось мое долголетнее сотрудничество с «Голосом Америки». Забавно, что это мне напророчили в новогоднюю ночь в Марокко: 1950 год мы встречали небольшой компанией в Касабланке, в «русском» поселке Бурназеле, где в деревянных бараках жили многие бывшие «ди-пи». Кому-то пришлось в голову пойти подслушать под окнами их разговоры – что первое услышим, то сбудется. И вот я услышала: «... она говорила по радио...»!

– Расскажите, пожалуйста, о своем сотрудничестве с «Голосом Америки». Ведь вы прошли путь от диктора до начальника отдела радиостанции...

– Надо сказать, что мой шеф, Чарльз Львович Маламут, женатый, между прочим, первым браком на дочери Джека Лондона, одно время был корреспондентом Associated Press в Москве. Он знал Валентина Катаева, перевел одну из его книг, дружил с Ильфом и Петровым, перевел на английский «Золотого теленка», а когда Ильф и Петров собирали материал для «Одноэтажной Америки», был их сопровождающим и описан ими, если память не изменяет, как мистер Смит. Он-то и направил меня на путь журналистики. Другим моим ментором был Александр Степанович Казанцев, автор книги «Третья сила» о власовском движении и роли НТС во время Второй мировой войны. Ему я очень многим обязана. Я часто вспоминала его уроки, когда мы переселились в Америку и я работала в качестве нью-йоркского внештатного корреспондента «Голоса Америки». Большинство моих материалов касались культурной жизни Нью-Йорка. Я проводила интервью с разными деятелями, в том числе с выдающимися русскими, как, например, композитор Александр Черепнин, художник Илья Болотовский, скульптор Глеб Дерюжинский... Когда подросли мои дети, я поступила на штатную должность в Вашингтоне. Не прошло и года – в связи со смертью своего начальника, поэта и литературоведа Владимира Мансветова стала начальником русскоязычного отдела культуры.

– За что отвечали?

– Примерно за три часа свежего материала в сутки. Хотя отдел назывался «культурным», сюда входили не только регулярные передачи по литературе (например, «Книги и люди»), по искусству, музыке (несмотря на глушение), но также религиозная программа, передачи по экономике, науке, анализы американских обозревателей о положении в Советском Союзе... Словом, почти все то, что не было «ежеминутным» материалом, как последние известия или текущие политических дела – это было уделом нашего политического отдела.

– Кто из знаменитых эмигрантов сотрудничал с вашим отделом?

– Среди штатных служащих особых знаменитостей не было. Зато среди внештатных участников наших передач были известные люди. Скажем, уже упомянутый мной архиепископ Православной церкви в Америке Иоанн Сан-Францисский (в миру Шаховской). Он был очень образованным человеком, начитанным, писал стихи. Он годами присылал для нас свои записанные дома на магнитофон беседы на религиозные темы. После того как Александр Солженицын поселился в Вермонте, он начитал для «Голоса Америки» часть своего «Красного колеса». Нам неоднократно давал интервью Ростропович, передавали мы беседы с Эрнстом Неизвестным. Очень интересным и содержательным человеком была адвокат Дина Каминская, для которой мы завели еженедельную рубрику об американском правосудии. А по теме прав человека мы проводили еженедельные беседы с Людмилой Алексеевой, одним из основателей Московской Хельсинкской группы. Когда на нашем горизонте появился писатель Василий Аксенов, я привлекла и его к сотрудничеству с «Голосом Америки». Он стал выступать с еженедельными беседами, участвовать в круглых столах и радиомостах. Правда, сама я вскоре перешла на сугубо административную должность заведующей Среднеазиатским и Закавказским отделом: отвечала за грузинскую, армянскую, азербайджанскую и узбекскую редакции. Это, по замыслу, должно было быть временным назначением, но продлилось около трех лет, после чего я вернулась к эфиру в должности старшего корреспондента.

– Вы ведь довольно хорошо знали Василия Аксенова. Что вы думаете о нем как о человеке и писателе?

– Это был человек раскрепощенного мышления и большого мужества. Я с ним познакомилась во время первой командировки от «Голоса Америки» в страну моих предков зимой 1976 года. Меня уже тогда поразило, что он не боялся встречи с представителем «вражеских голосов», а наоборот, даже афишировал ее. Его талант не укладывался в прокрустово ложе социалистического реализма, он смело отстаивал право писателя на свободу творчества. Даже выступил на Всесоюзном съезде писателей в поддержку призыва Солженицына отменить цензуру. Не удивительно, что ему пришлось покинуть страну.

– Считаете ли вы распад Советского Союза своей победой?

– Мы не боролись за распад Советского Союза, и вряд ли у слушателей тех лет могло создаться такое впечатление. Наоборот, официальная позиция правительства (а «Голос Америки» – правительственная радиостанция) не поощряла никаких сепаратистских выступлений. В одну из командировок я была в Киеве в связи с приездом туда президента Джорджа Буша старшего. Он прилетел из Москвы после встречи с Горбачевым. Так вот, я помню, какое возмущение вызвало у украинских националистов заявление президента

США, что Украина не должна помышлять о выходе из состава СССР! Но если где-то в мире происходили демонстрации, направленные против существующих режимов, в том числе в СССР, то мы, как и СМИ других стран, естественно, об этом сообщали слушателям. Разумеется, мы круглосуточно освещали августовские события 1991 года. Когда я вскоре после этого была командирована в Москву, над Кремлем уже развевался бело-сине-красный флаг. А вокруг Белого дома еще не были убраны баррикады. На одной из них я прочитала надпись «Спасибо голосу Америки за правдивую информацию».

– За какие встречи вы благодарны работе на знаменитой радиостанции?

– Список людей очень длинный, но первое место в нем занимает память об Александре Львовне Толстой. Она была исключительным человеком по уму, дарованию, колоссальной энергии и отзывчивости. Основав в Америке «Толстовский фонд», она помогла многим тысячам русских беженцев. Ну а в личном плане, должна сказать, что я обязана «Голосу» своим вторым счастливым браком с моим теперешним мужем. Я познакомилась с Илаем Фламом в стенах этого учреждения вскоре после того, как он прибыл из Москвы, где исполнял должность пресс-атташе американского посольства.

– Каковы ваши творческие планы?

– В настоящий момент работаю над книгой, которая относится к так называемому «дипийскому» периоду послевоенных лет в Германии и Австрии. Точнее, к возникшим там учебным заведениям и молодежным организациям, давшим людям моего поколения образование и некую «русскую зарядку» на дальнейшую жизнь.